

Г. Кабакова

ТЕЛО МОЛЧАЩЕЕ – ТЕЛО ЗВУЧАЩЕЕ: ДВЕ СТРАТЕГИИ КОНТРОЛЯ НАД ТЕЛОМ

Норберт Элиас в своем труде *О процессе цивилизации* (1939) показал, как постепенно формировался современный этикет и как модель поведения элиты медленно, но верно распространялась сверху вниз, а в геополитическом плане – из центра к культурной периферии Европы. Путевые записки иностранцев, «травмированных» грубостью нравов туземцев, позволяют убедиться в том, что скорость распространения цивилизации прямо пропорциональна пространству. Сошлось лишь на несколько хрестоматийных примеров из описаний России XVII века, принадлежащих перу Петра Петрея, Августа Мейерберга, Якова Рейтсфельса.

Москвитяне по природе чрезвычайно грубы, распущены и невежливы в своих нравах, хватках и разговорах: они совсем не считают грешным и срамным делом вести разговоры об ужасных вещах, не стыдятся также кашлять, харкать, икать и выпускать кое-что задницей за обедом в гостях, в церквях или в другом месте, на улице или на рынке, да еще смеются и очень потешаются тем (Петрей 1997, 418).

В продолжение стола вдруг раздражаются самую звонкою рыготней, с отвратительным запахом непереваренной смеси чеснока, лука, редьки и водки, и эта рыготня, с позволения стойков, предоставляющих полную свободу ей и чревобесию, сливаясь с громозвучными испарениями их желудков, обдает окружающих самым вредным серным смрадом (Мейерберг 1874, 36–37).

Скромность, украшение всех возрастов, до того мало свойственна Русским, что они, вернее, ее совершенно не знают. Вежливого и изящного обращения у них нет совсем: они не считают даже неприличным говорить грубо, икать, рыгать и совершать еще кой-что иное, более гнусное, во время торжественных собраний. А если, случайно, иностранцы станут смеяться над ними за это, то стыд не вызывает у них никакой краски честной и строгой благопристойности. За столом они, следуя обычаю предков и нисколько не заботясь о том, что выходит за пределы пристойности, хватают с блюда пальцами, опираясь на локти, пользуются постоянно на пирах грязнейшей посудой,

не употребляют ни салфеток, ни тарелок, засыпают среди обеда, между едою (Рейгенфельс 1906, 147).

Цитаты эти свидетельствуют не столько о том, что русские бояре не умели вести себя как полагается, сколько о том, что к XVII веку нормы благопристойности, внедряемые начиная с Возрождения, были уже более или менее усвоены западноевропейской элитой, в то время как русская аристократия продолжала жить по своему национальному этикету.

Трудно себе представить, чтобы до петровской эпохи, когда начинается радикальная европеизация общества, никто не задумывался о хороших манерах. В *Домострое* содержится подробное описание поведения, которого ждут от слуги, посланного по делам в чужой дом: «И вот тогда уж пальцем в носу не ковырять, не кашлять, не сморкаться, не харкать, не плевать, а если уж приспичит, так, в сторону отойдя, там же и оправиться тихохонько» (*Домострой* 1990, 150). Накрыв на стол, тоже «не кашлять, не плевать, не сморкаться, но отойдя в сторонку, вычистить нос и прокашляться, или сплунуть, отворотясь да растереть ногою; так-то любому человеку прилично» (там же, 132).

Другими словами, задолго до первой компиляции иностранных учебников хороших манер, *Юности честное зеркало* (1717), в России существовало представление о том, что не только хозяева, но и слуги обязаны контролировать движения тела. В *Честном зеркале* через полтора года после Сильвестрова *Домостроя* будут заново повторены или развиты предписания, относящиеся к нечистотам: неприлично ковырять в носу или сморкаться, особенно издавая разные непристойные звуки («яко бы в трубу трубить»), «младые отроки не должны носом храпеть, и глазами моргать», «никто чествовоспитанный возгреи в нос не втягает, подобно как бы часы кто заводил, а потом гнусным образом оные вниз не глотает, но учтиво, как вышеупомянуто, пристойным образом испражняет и вывергает, другими словами сморкается в платок и выбрасывает затем в сторону или за окошко» (*Юности честное зеркало*, 20; 37). Особый акцент в *Зерцале*, как и в последующих переводных наставлениях (*Правила учтивости и Правила благопристойности*, опубликованные в 1790-е гг.), делается на контроле за звуками, производимыми телом: «Ежели случится позевать, чихать и кашлять, то или отворотись или рот закрой рукою, и звук умеряй» (Каменский 1792, 12).

По сравнению с *Домостроем* в учебниках XVIII века более детально развернута аргументация преимущества хороших манер. Наряду с лаконичными и достаточно абстрактными «непристойно, неучтиво», «не пригоже» или оценочными «грубые действия», «гнусность», предписания вводят понятие социальной дистанции: «Над ествою не чавкай, как свинья, и головы не чеши, не проглотя куска не говори, ибо так делают крестьяне» (*Юности*

Честное зеркало, 42). *Честное зеркало* напоминает «младому шляхтичу» (в отличие от *Домостроя*, которое адресовалось скорее отцу семейства), какое неудобство создает он другим, нарушая правила хорошего тона. Таким образом, речь идет прежде всего о поведении в обществе: «рыгать, кашлять, и подобные такие грубые действия в лице другого не чини, или чтоб другой дыхание и мокроту желудка, которая восстает, мог чувствовать» (там же, 37). Взгляд общества и есть то «честное зеркало», которое призвано корректировать поведение вступающего в общество юноши, нарушивший же правила рискует стать всеобщим посмешищем. Следить за своими манерами, не давать волю своим членам необходимо, «дабы от издевки не учинилось вправду повадки и обычая: ибо такие принятые повадки малого отрока весьма обезобразят и остыжают так, что потом в домах их пересмехая тем дражнят» (там же, 20).

Собственно говоря, с того момента, как новый тип поведения утверждается в русском образованном обществе в полной мере, смех становится главным средством его регуляции (в европейской культуре этот феномен особенно характерен для светской культуры второй половины XVII в.). Показателен в этом смысле рассказ Александры Смирновой-Россет о нравах, царивших в Екатерининском институте в первой половине 1820-х годов, когда она была его пансионеркой.

Самое ужасное было, если скажут – не забудьте, что вы сделали пушку. – Неужели вы не знали настоящего названия этого грешка? – Вероятно, знали, но так было принято. Не знаю, как это случилось, но бедная Шторх [дочь вице-президента Академии Наук. – Г.К.] сделала пушку и так сконфузилась, что сказала: «Право, это не я». – «Да я вас и не обвиняю, г-жа Шторх». Мы все покраснели, «Mesdames, какой стыд» (Смирнова-Россет 1989, 349).

В статье «Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века» Ю.М. Лотман, заостряя аргументацию *Зеркала*, пишет, что оно, «желая изобразить идеал вежливого поведения, предлагало мысленно представлять себя в обществе иностранцев» (Лотман 1992, 249). Другими словами, «надо было усваивать формы европейского быта, сохраняя внешний, «чужой», русский взгляд на них, надо было не становиться иностранцем, а вести себя как иностранец» (там же, 250). Точнее говоря, вести себя так, чтобы не давать повода для насмешек тем гипотетическим иностранцам, которые под пером Рейтенфельса выступали главными судьями в сфере хороших манер.

Выходит, что этот новый тип бытового поведения внедрялся как иностранный язык, с той разницей, что последний по логике *Честного зеркала* не должен был заменить родной, а только создать новую диглоссию: непосредственный практический смысл владения иностранным языком, по мысли авторов, заключался в том, чтобы прислуга не могла проникнуть в

тайны хозяев. Но обучение новому языку поведения в свете предполагает изначальное владение «родным» языком, правила которого за исключением кое-каких отрывочных предписаний *Домостроя* никто связно на письме не излагал. Мы можем лишь реконструировать их от противного, в тех случаях, когда человек, принадлежащий данной традиции, отмечает нарушение свойственного ей кодекса поведения. Однако в полном объеме эти навыки могут стать предметом описания лишь при взгляде извне или во всяком случае при попытке некоторого дистанцирования.

По всей вероятности, всеобщей нормой застольного поведения был этикет, описанный, впрочем тоже достаточно скупо и фрагментарно, для крестьянства второй половины XIX – начала XX вв. Сборники В.И. Даля, а также описания быта белорусского крестьянства Н.Я. Никифоровского и А. Сержпутовского, которые содержат наиболее богатый этнографический материал по интересующей нас теме, строятся по дифференциальному принципу: в поле зрения наблюдателя попадает не вся этикетная система, а лишь те черты, которые отличают крестьянскую модель поведения от соответствующей модели «культурных», т. е. ориентированных на европейский этикет, слоев.

Сопоставление следует начать как раз с общих установок: и в светском, и в крестьянском этикете осуждаются лишние шумы, происходящие от неуклюжего поведения:

Ненужные, бесцельные удары ложкою, ножом и другими столовыми предметами о стол, миску, горшок или удары предметами друг о друга обыкновенно бываюот перед началом семейной ссоры, которая может наступить раньше, чем такие предметы будут убраны на место, и ссора выйдет тем ожесточеннее, чем дольше ими гремели. Нельзя «брызгыць и лискатьць» (стучать) ложками во время уборки их со стола: соседи стануот оговаривать (Никифоровский 1897, 90).

Принципиальное отличие заключается в глубинном характере мотивировок при их схожести на первый взгляд. Казалось бы, в последнем примере вводится взгляд стороннего наблюдателя. Однако в действительности причинно-следственная связь здесь иная: по звуковой аналогии дребезжание посуды вызовет к жизни такое же бессмысленное, но вместе с тем крайне вредоносное «дребезжание» соседей. Треск и звон не стануот непосредственным поводом к ссоре, но как ее провозвестники впишутся в звуковой пейзаж домашнего пространства. По украинским представлениям, стучание ложками радует лукавого и скликает на обед «зльдней», демонов, воплощающих собой бедность и несчастья (Байбурич и Топорков 1990, 146).

Единственно правильное положение при приеме пищи – положение сидя. Данное предписание получает двойную мотивировку. Если кто ест стоя, то, помимо того, что он съедает много и пицца не пойдет ему «в тук» (в жир),

во ржи и пшенице будут «стояны» – сухие колосья. Лежанье же во время еды, предосудительное во всех отношениях, делает в хлебе «повалы». Кроме того, «письменный» человек перезабудет не только читанное во время еды, но и то, что вычитал раньше из той же книжки (там же, 89). Предписания, с одной стороны, апеллируют к «гигиеническим» или даже «терапевтическим» аргументам (при неправильной позе пища не идет на пользу едоку), а с другой, проецируют будущие события опять же по аналогии: неправильно усвоенная пища уничтожит (букв. уложит) будущий урожай, а духовная пища, смешавшись с земной, не задержится в голове.¹

«Когда человек ест торопливо и часто ёрзает, его ожидает особенно спешное дело, которое нужно кончить до следующей еды» (Никифоровский 1897, 92). Таким образом получается, что возможности контроля над телом ограничены. Человек не всегда и не в полной мере способен контролировать свое поведение, так как он выступает зеркалом окружающего мира. Его поступки трактуются как отражение будущих событий, героем которых не всегда суждено стать ему. «Если кто ест с алчностью, хватает и при том ест много, то он чувствует некую беду или лично на себя или на тот дом, в котором ест. Такой бедой бывает голод, обеднение» (там же, 88).

События, настоящие и грядущие, проступают на теле субъекта. Отсюда целая серия примет, относящихся к разного рода произвольным и непроизвольным движениям тела, вроде «чесания», «трепетания», «горения», «свербления» и т. п. Более того, тело прочитывается как анатомический атлас. Движение каждой части организма осмысливается по-своему, и часто знаки расшифровываются с помощью оппозиции левое/правое: «когда зудит правая рука, то придется с кем-то встретиться или даже получить от него деньги, а когда левая – то отдавать деньги» (Сержпутоўскі 1930, 128) или лоб свербит – челом бить: с правой стороны – мужчине, с левой – женщине; правая бровь чешется – к свиданию с другом, левая – с лицемером (Даль 1980 IV, 598); в плечах зудит в предвестии тяжелой работы, в губах – поцелуя, в кончике носа или животе – перед предстоящей выпивкой, в ногах перед дальней дорогой (Сержпутоўскі 1930, 120–121; 127–128). В правом ухе звенит – добрый помин, в левом – худой (Даль 1980 IV, 526).

Звуки, раздающиеся внутри, как тот же звон в ушах, могут описываться как беседа ангела и дьявола. Но чаще, чем потусторонние силы через индивида и вместо него, говорят, шепчут, кричат другие люди, бесцеремонно пользующиеся его телом как средством самовыражения. «Кто поперхнется первым глотком, к тому спешит обеденный гость» (Даль 1996, 103), «когда уши свербят, то это кто-то судит», «щеки свербят, это враги точат зубы,

¹ Отметим, что такого рода «санитарно-гигиеническая» аргументация присуща скорее поздним трактатам, посвященным правилам хорошего тона (Elias 1976, 163).

чтобы набить морду», «когда у девушки зудят груди, наверняка из-за нее дерутся два парня, так как оба любят ее и не хотят уступать один другому» (Сержпутьоўскі 1930, 127–128; 173).

Особенно часто на вторжение посторонних ссылаются, когда звуки или движения, прорываясь наружу, становятся всеобщим достоянием. Речь идет о неконтролируемых или трудно контролируемых звуках, издаваемых организмом, и случайных жестах: «толкуют, что плюнуть на себя, значит терпеть напраслину» (Даль 1996, 103); «горло поет (отрыжка): либо брагу пить, либо битым быть» (Даль 1980 II, 7). Тот же Даль весьма критически приводит следующее суеверие: «икнулось тебе, знать кто-то позавидовал куску» или «кому икается легко, того добром поминают, а при тяжелой икоте, за глаза бранят», а также формулу, которую произносили икнувши: «Добром, так вспомни, а злом – так полно». По всей видимости, она имеет апотропейный характер и призвана положить конец злым речам заочных недоброжелателей. Ср. также другой способ остановить икоту: трижды прочитать «Богородицу» (там же, 40).

Тяжелая и затяжная икота может осознаваться как болезнь. Виктор Тернер (1972) показал, до какой степени в традиционном обществе болезнь не является делом индивидуальным, но, напротив, затрагивает функционирование всего социума как единого организма. Болезнь – это «нарыв на социальной эпидерме» (Zempléni 1982, 10), обнажающий подспудно тлеющие конфликты. Как частный случай несчастья болезнь наступает либо как наказание, насланное свыше за нарушение запрета, либо как результат сознательного вредительства. Поэтому и избавление от икоты, как и любого другого заболевания, включает предварительный социальный анализ: необходимо прежде всего определить, кто мог наслать икоту. Наиболее традиционный способ прекратить икоту – последовательно перечислить всех потенциальных виновников. «Надо после каждого ика⁴ называть про себя имя кого-либо из родственников, друзей или знакомых. На чьем имени икота прекратится, тот и вспоминает» (*Энциклопедия суеверий* 1992, 172).

При онтологической концепции недуга, в соответствии с которой болезнь воспринимается как состояние, принципиально отличное от здоровья, естественным способом ее лечения является изгнание духа болезни из организма, в том числе с помощью отсылки его другим лицам. Характерен в этом смысле заговор, с перечислением потенциальных адресатов: «Икота, икота, иди на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого, только на меня не переходи» (*Славянские древности* 1999, 402).

Болезнь служит кроме того и делу контроля над индивидом, она оказывается самым эффективным способом заставить его соблюдать установленные правила общежития. Этиологию икоты связывают не только со

злыми кознями недругов, но и с неправильным поведением самого больного: например, считают, что соответствующий болезнетворный дух проник в его тело в результате того, что человек либо заснул с открытым ртом, не перекрестив его предварительно, либо не перекрестил его во время еды или при зевоте.

Впрочем и сама зевота может трактоваться как симптом порчи или как заразный недуг. Непроизвольно зевающему человеку украинцы желают: «А в солому, а во двор!», мол, не на нас, поскольку зевание могло быть чревато для окружающих болезнью и даже смертью (там же, 305). Так же, видимо, реагировали русские и на чихание судя по следующему бранному пожеланию: «Чох на ветер: шкура на шест, а голова – чертям в сучку играть» (Даль 1980 IV, 608). Нарушение правил обращения с едой и питьем может быть чревато и чиханьем: например, ему подвержены те, кто, не перекрестившись, пьет ночью воду.

Наряду с прогностическим прочтением телесных движений и звуков и толкованием их как результата вмешательства посторонних лиц, возможен и другой способ интерпретации тех же явлений. Неконтролируемые, необъяснимые звуки, издаваемые телом, толкуются как внутренний голос, возвещающий правду. «Если отрыгается в гостях, то это добрая слава хозяину, который приготовил такое большое угощение» (Сергпутоўскі 1930, 130).² Голос тела считается более искренним, чем человеческая речь, поскольку тело не умеет врать; он подтверждает или, наоборот, опровергает словесное высказывание. «Если в беседе чихнешь, то это подкрепляет истину того, что говорится» (поэтому, видимо, при чихании говорят: «правда», а другие: «исполнение желания», «будьте здоровы и салфет вашей милости», а чихающие отвечают: «Красота вашей чести»);³ «Кто поперхнется в разговоре, тот хотел соврать» (Даль 1996, 103). Та же способность приписывается и дыханию, точнее сказать запаху, напрямую соотносимому с духом, и словом: ср. пословицы «Не бранись – нечисто во рту будет» и «не сквернит в уста, сквернит из уст» (Даль 1980 IV, 108, 195). «У которого человека смородит изо рта – в том несть правды», читаем в сборнике XVIII в. «Краткое описание внутренних и внешних частей и составов человеческих» (Смелянская 1994, 35).

Внутренний голос, открыто комментирующий речь говорящего, может отождествляться с душой. На Русском Севере о дурном запахе изо рта

² С этим представлением явно коррелируют многочисленные свидетельства иностранцев и XVII века и позже, вроде: «Они думают также, что невозможно оказать гостеприимство, или заключить тесную дружбу, не наевшись и не напившись предварительно за одним столом, и считают поэтому наполнение желудка пищею до тошноты и вином до опьянения, делом обычным и делающим честь» (Рейтенфельс 1906, 145).

³ Свидетельство из Рязанской губ. Архив Института Этнологии и Антропологии РАН, ф. ОЛБАЭ, ед. хр. 124, л. 20.

говорили «душа смородяча» (СРНГ 1972, 281). Множество выражений, воспринимаемых сегодня как эвфемизмы, описывают все те звуки, которые в «приличном» обществе считается постыдно не только производить, но даже и называть. Побуждая человека заснуть, говорили: «Свищи, душа, через нос» (Даль 1980 I, 505) – то бишь храпи себе. Рыгать или икать называется «душа пузыри пускает» или «душа с богом беседует (разговаривает или только собирается разговаривать)» (там же). В случае продолжительной икоты страдающее тело может выступать в роли предмета этой долгой дискуссии, ср.: «Когда человек страдает икотой, то крестятся и говорят: „Душа беседует с Богом и его тело вспоминают“».⁴

В традиционной концепции душа человека не сводима к духовной деятельности, она не только противопоставляется плоти, она и есть плоть.⁵ Владимир Даль, пытаясь свести русские поверья в единую систему и найти им соответствие в научном дискурсе, отмечает, что, с одной стороны, по представлениям народа, сердце лежит под грудной костью, под ложечкой, а с другой «сидит немножко пониже, в желудке», что «соответствует положению брюшных нервных узлов, называемых также брюшным мозгом и седалищем животной души» (Даль 1996, 74).

В русском языке душа не только орган чувств, синонимичный сердцу, она напрямую отождествляется также и с чревом, брюхом.⁶ «Душа не сосед, пить-есть просит», читаем в словаре Даля (Даль 1980 I, 505). Она требует выпить («душа горит»), вкусно поесть (в *Домострое* описано, что готовить надо так, как «своя дупа любит»), отсюда многочисленные выражения со значением «полакомиться чем-нибудь»: псков. «душу привязать, просмагать, притешить» (ЛОС 1994, 67), а в литературном русском «есть как» или «сколько душа требует, сколько душе угодно». Причем желание это может быть настолько сильным, то душа готова покинуть тело (как при сильном испуге), только бы удовлетворить его: ср. пск. «Придѣш с казьбы, таг душа валицца, как хочьцца квасу» (там же, 69).

Еда может описываться как «душелюбная»: «приятная для вкуса, вкусная», и в этом случае она «приходится по душе» или «идет на душу» (СРНГ 1972, 281–282). Или, наоборот, пища оказывается «не по душе», или душа «не принимает» не понравившееся ей угощение, настолько, что «с

⁴ Свидетельство из Рязанской губ. Архив Института Этнологии и Антропологии РАН, ф. ОЛЕАЭ, ед. кр. 124, л. 20.

⁵ Она не только внутренняя сущность человека, она видна и снаружи, многие русские и украинские диалекты локализируют ее у основания шеи. (нижегор. «душье»: «горло, ямочка в нижней части горла»). Ср., например, «Надень душатку, штобь душу сагреть», «Што ты душу раскрыл и идѣш» (Манаенкова 1989, 60), а также выражение «душа нараспашку».

⁶ Замечу попутно, что, по верованиям украинцев Подолья, местоположение души различно у мужчин и женщин: у мужчины душа около сердца, а у женщины – в животе (Moszynski 1967, 595).

души прет, рвет» (пск.) или «воротит». В XVII веке об отрывании или рвоте говорили «на души не устоить» (СРЯ XI–XVII 1977, 386), а в диалектах используются выражения «с души скинуть, сорвать» (волог., калуж., костром., самар.; СРНГ 1972, 281–282). Чтобы предупредить сей печальный исход, пьяница, поднося чару ко рту, предупреждает свою привередливую утробу: «Сторонись душа, оболую». В любом случае считается, что «душа меру знает» (Даль 1980 I, 504).⁷

Таким образом, в традиционном типе этикета контроль над телом оказывается задачей более сложной, чем в этикете, заимствованном из Западной Европы. Русский крестьянин, особенно за столом, обязан соблюдать больше правил, чем петровский идеальный шляхтич. Однако избегание, сокрытие всего того, что исходит изнутри тела, в частности звуков, иными словами «молчание» тела не является конечной целью традиционного деревенского воспитания, поскольку тело оказывается тем тугим узлом, в котором причудливо переплетаются и социальные связи, соединяющие индивида с другими людьми, и его взаимоотношения с потусторонними сферами. Куда более важным представляется внутренний этический контроль над мыслями и чувствами, в сочетании с глубоким доверием к движениям души, твердо и порой бесцеремонно выражающей свою волю через послушное ей тело.

Л и т е р а т у р а

- Байбурий А.К., А.Л. Топорков. 1990. *У истоков этикета*. Л.
- Даль В.И. 1980. *Толковый словарь живого великорусского языка*. М.
- Даль В.И. 1996. *О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа*. СПб.
- Домострой. 1990. *Домострой*. Сост. Б.Б. Колесов. М.
- [Каменский Я А.]. 1792. *Правила благопристойности*. СПб.
- Лотман Ю.М. 1992. «Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века». *Избранные статьи*. Т. I. Таллинн, 248–268.
- Манаенкова А.Ф. 1989. *Словарь русских говоров Белоруссии*. Минск.
- Мейерберг Август. 1874. *Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга (...) к царю и великому князю Александру Михайловичу в 1661 г.* М.
- Никифоровский Н.Я. 1897. *Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах в Витебской Белоруссии*. Витебск.

⁷ Ср. в том же контексте: «Рюмочку-другую лоблю пропустить по воскресеньям: в этот день душѣ оддых нужен» (ПОС, 66).

- Петрей Петр. 1997. «История о великом княжестве Московском». *О начале войн и смут в Московии*, 151–464. М.
- ПОС 1994. *Псковский областной словарь*. СПб. Т. X.
- Рейтенфельс Я. 1906. *Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии*. М.
- Сержпутоўскі А. 1930. *Прыткі і забавоны беларусаў паляшчукоў*. Менск.
- Славянские древности. 1999. *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Под ред. Н.И. Толстого. М. Т. II.
- Смелянская Е.Б. 1994. «„Суеверная“ книжица первой половины ХУШ в. из библиотеки Казанского университета», публ. Е.Б. Смелянской. *Живая старина*, 2, 33–36.
- Смирнова-Россет А.О. 1989. *Дневник. Воспоминания*. М.
- СРНГ 1972. *Словарь русских народных говоров*. II. Т. VIII.
- СРЯ XI–XVII 1977. *Словарь русского языка XI–XVII вв*. М. Т. IV.
- Энциклопедия суеверий. 1992. *Энциклопедия суеверий*. М.
- Юности честное зерцало. 1990. *Юности честное зерцало или показания к житейскому обхождению, собранное от разных авторов*. М. (репринт изд. 1717 г.).
- Elias N. 1976. *La civilisation des moeurs*. Paris.
- Moszynski K. 1967. *Kultura ludowa Slowian*. Warszawa. Т. II.
- Turner V. 1972. *Les Tambours d'affliction*. Paris.
- Zempléni A. 1982. „Anciens et nouveaux usages sociaux de la maladie en Afrique“, *Archives des sciences sociales des religions*. Т. LIV. № 1, 13–44.